

Николай Дегтярёв

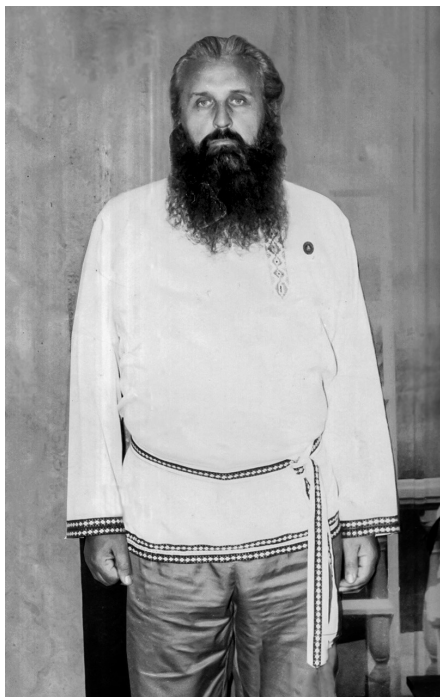
НЕУЖЕЛИ УЖЕ УТРО...

Повесть

Благовещенск

2024

Дегтярёв Николай Трифонович
член Союза писателей России,
лауреат литературных премий имени Г.А. Федосеева,
А.Д. Коптяевой и А.А. Побожего.
Профессор Международной Славянской Академии наук,
образования, искусств и культуры.

В ДРУГОМ ИЗМЕРЕНИИ

Ох, неужели уже утро. Кажется, что ещё пять минут назад я провалился в другое измерение, где всё легко и просто весело и безмятежно. Снился ресторан «Томь», где все гуляют, танцуют и никаких проблем... как в раю. А тут вдруг реальность – оглушительное дребезжанье будильника. Тяжесть во всём теле – ещё бы, «гудели» с друзьями целую неделю. Теперь надо «расплачиваться».

Ох, как не хочется вставать и возвращаться в реальность. Сердце то остановится, то снова напоминает о себе редкими, но ощутимыми ударами. Так можно подохнуть. Руки так трясутся, что не могу прикурить. Во рту как будто эскадрон лошадей ночевал. От первой затяжки замутило, но потом стало легче. Хватило сил дойти до туалета. Здесь так «крутануло», что чуть не отключился. На полусогнутых доплёлся до кухни, выпил ковшик воды. Доплёлся до туалета, моча тёмная, как «Таёжное» пиво. Присел на унитаз и сразу задремал. Нет, надо вставать, а то так и заснуть можно. Поплёлся до дивана. Грязный, неподметённый пол качается, как палуба в шторм. Боже как тяжело... сколько раз говорил себе, оставь на похмелье. Так нет, пока всё не употребишь, не остановишься. Скорее бы жена приехала, что ли, – мама у неё, видишь ли, заболела. Страшнее тёщи зверя нет.

Вспомнил, что оставлял «на опохмелку» – чтобы не подохнуть. Обшарил все бутылки, стоящие в шкафу, – пустыня. Пошарил по «сусекам» – нашёл, слава Богу, чекушку в кирзовом сапоге: «Пожалуй, грамм сто пятьдесят выпью». Выпил всю из горлышка, не останавливаясь. Посидел. Доплёлся до кухни, поставил на электроплитку чайник. «Может, чифирнуть?» От одной этой мысли стало

так плохо, чуть не свалился на пол. С трудом очухался. Заварил крепкий чай. Попил без сахара, осторожно втягивая горячую коричневатую жидкость через край зелёной эмалированной кружки, задумался: «Господи боже мой, за что страдаем? В чём я пред тобой провинился? Каюсь, больше в рот не возьму этой заразы, помоги мне грешному – дай похмелиться. Почему я не могу пить в меру? Больше в жизни не возьму этой поганой водки, вот только бы похмелиться...». Долго ходил по комнате, пытаюсь успокоиться. Включил радио. Транслируется беседа про гармонию в браке, про взаимный интим и прочую сексуальную дребедень. – «Да пошли вы... со своим интимом. Мы интим не хотим. Ты смотри-ка, стихами заговорил!»

Мужественно встал, подошёл к зеркалу. На меня смотрела небритая опухшая физиономия с красными выпуклыми глазами. – «Надо бы на работу, но с такой рожей как я людям покажусь?!» Коленки трясутся, а ноги ели держат одряхлевшее тело. «Ох, как мне тяжело! Так, какой это день я пью? С калЫма?¹ Нет, с получки, ну тогда вторую неделю. Стоп, сегодня какой день? На календаре пятница. Какая к чёрту пятница, в пятницу нам получку дали. Выходит, что я с получки листки календарные не отрывал. Вчера поддавали, позавчера поддавали, а до этого сколько дней? Не помню... Что это я этим подсчётом занялся, надо срочно похмелиться, а то труба дело. Так бесславно можно погибнуть. Надо идти на работу, а то выгонят. Нет, отлежусь денька два, пусть прогулы ставят – потом отработаю. Я работник нужный – не выгонят». Вдруг потолок поплыл, пол зашатался, сердце рвануло из грудной клетки наружу. «На автопилоте» добрался до дивана и «отрубился».

Очнулся, когда луч солнца озарил моё страдающее лицо. Открыл глаза, рядом стояли два мужчины и женщина в белом халате.

¹ Калым – шабашка

- Вы кто?
- Братья по разуму.¹
- А я зачем вам понадобился?
- Собирайся! – настойчиво потребовала женщина.
- Куда?
- В санаторий, тебе надо отдохнуть.
- В аду отдохну.
- Ты сейчас в аду.
- Это точно!? Это не жизнь, это настоящий ад. Надо бросать пить.
- А кто тебе не даёт?
- Нет силы воли.
- Выходит, ты безвольный человек?
- Не согласен, если надо, я горы могу свернуть.
- Свернёшь, но пока тебя свернуло. А как звать тебя?
- Фома.
- Это не тот, который неверующий?
- Тот самый.
- Так, с юмором у тебя хорошо, значит, не всё потеряно.

Паспорт тащи сюда.

- А кто вы такие?
- Я фельдшер Инга Юрьевна, со мной помощники. Благодарю соседей, что тебе не дали в петлю залезть – нас вызвали.

Фома на подгибающихся ногах пошёл в зал, открыл комод. «Слава богу, паспорт на месте, Людка не перепрятала».

- А что, на тот свет без паспорта не берут?
- Везде, понимаешь, бюрократия. Аникин Фома Юрьевич?
- С утра был такой. А похмелиться дают?
- Да, мы по пути заедем, возьмём тебе похмелиться.
- Тогда поехали.
- Одевайся.

¹ Братья по разуму – психбригада – слэнг работников скорой помощи.

– Я мигом.

Фома, согнувшись в три погибели, кое-как натянул на себя одежду.

– Забирайте, я готов.

На скорую помощь Фома посмотрел с недоверием, но, поддерживаемый санитаром, с неохотой влез в машину:

– Похмелите? А то по дороге подохну.

– Сейчас остановимся у магазина.

Минут через пять машина действительно остановилась. Фельдшер ушла в магазин. Купила бутылку лимонада, попросила у продавца этикетку от «Солнцедара» и клей. Вернулась быстро, с открытой бутылкой:

– Держи покрепче «Солнцедар»!

– Не теряйте время даром – похмеляйтесь «Солнцедаром» – с гримасой на лице ответил Фома.

Трясущимися руками взял бутылку и под стук зубов о горлышко отхлебнул пару глотков:

– Пусть осядет, а то ещё вырвет, не дай бог.

Удобно устроился на сиденье, прижав бутылку к животу, успокоился. Минут через двадцать открыл глаза:

– Слава богу, полегчало.

Отпил ещё немного.

– Ты поспи, – произнесла фельдшер, – дорога длинная.

– Куда вы меня везёте?

– Приедем – увидишь, потом благодарить будешь.

Фома кивнул головой.

– Разбудите?

– Обязательно.

БУДУНДА

Фома очнулся, когда машина остановилась перед двухэтажным розовым кирпичным зданием, с высоченным деревянным забором, сверху прикрытым кольцеобразной колючей проволокой с режущими сегментами.

Инга Юрьевна вышла из машины и, быстрым шагом подойдя к дверям, нажала кнопку звонка и, оглянувшись на машину, что-то сказала открывшему дверь охраннику. Жестом пригласила подойти.

– Вот, Фома, твой санаторий.

– А не тюрьма это? Санатории не огораживают колючей проволокой.

– Это специальное учреждение для больных этилизмом¹.

– Я не больной.

– Если не больной – не примут, тогда поедем в ЛТП². Все документы на тебя есть.

– В ЛТП не поеду.

– Тогда нам сюда. Пошли, пошли, не стесняйся. Сам же говорил, что пить надоело.

Фома сконцентрировал все свои силы, поддерживаемый водителем, с трудом вылез из машины и, стараясь держаться твёрдо и уверенно, двинулся в раскрытые двери ада. Других ассоциаций не нашлось в больной, истерзанной алкоголем голове. В небольшой комнатке, куда завели Фому, кроме стола и стула, на котором чинно восседал средних лет мужчина в белом халате, ничего не было.

– Здравствуйте, Фома Юрьевич, оздоровиться приехали или отдохнуть от дел насущных?

Фома, вздохнув, сел на прикреплённую к полу табуретку.

– Привезли. Я сюда не просился.

¹ Этилизм – алкоголизм.

² ЛТП – лечебно-трудовой профилакторий.

Повертев паспорт и какую-то бумажку, полученную от фельдшера, доктор нахмурился:

– Здесь медицинское учреждение, а не ЛТП. Если пациент не хочет, я не могу его принять на лечение.

– Извините, товарищ доктор. Фома, поехали в Березовку, – решительно произнесла Инга Юрьевна.

– Не поеду! Сдаюсь.

– Смотри, передумаешь – будет поздно. Подходи, распишись.

Трясущимися руками Фома поставил какой-то каракуль в потрёпанном журнале и в бессилии опустил на табуретку.

В голове помутилось, лицо побледнело.

– Воздуху не хватает, – еле слышно произнёс подписавший себе «приговор» пациент совсем не привлекательного заведения и отключился.

Очнулся в палате. Огляделся. Вспомнил весь кошмар, происшедший с ним за последнее время, захотелось куда-нибудь исчезнуть. Но суровая реальность заставила оглядеться. Побелённая палата напомнила армейскую казарму, но в десяток раз меньше. Койки аккуратно, по-армейски заправлены. Через шторы пробивается тусклый свет. На одной из кроватей поверх одеяла лежит одетый человек.

«Хмырь какой-то», – подумал Фома.

– Ну что, очухался? – послышался женский голос.

Фома оглянулся – у его изголовья стояла немолодая женщина в застиранном белом халате.

– Сестрёнка, похмелиться не найдётся?

– Я тебя так «похмелю», что не возрадуешься. Нашёл сестрёнку. Могу хоть «щас» сульфазинчиком¹ угостить.

– Тяжело мне.

¹ Сульфазинчик – при внутримышечном введении вызывает пирогенную реакцию (повышение температуры тела). Препарат применялся для пиротерапии при шизофрении и сифилисе.

– Ничего, через недельку очухаешься, ещё права начнёшь качать.

– Моя жопа, как резина, не боится сульфазина, – раздался пропитый голос доселе молчавшего соседа по палате.

– Ты, сачок лучше помолчи, – отозвалась медсестра, – а то допросишься...

– Пить хочу, – напомнил о себе Фома.

– Вон в углу бак стоит.

– Я не дойду до бака, сил нет. Медсестра молча, поднесла алюминиевую кружку:

– Держи крепче.

Страждущий неимоверной жаждой Фома, с трудом удерживая кружку, под барабанную дробь зубов о металл выпил тёплую безвкусную воду. Тяжело вздохнул и сразу рухнул на постель. Отдышался. Медсестра подошла к постели Фомы:

– Лежи. Я, пожалуй, пойду.

– Серюкин, – медсестра обратилась к валяющемуся на не разобранный постели пациенту – если что, позовёшь.

– Вызову, Зоя Прокопьевна, – с ухмылкой произнёс хмырь.

Медсестра нервно покинула помещение.

– Тебя как звать?

– Генка, а чо?

– Да ничо. Люди вон чо и то ничо, а ты чо? Меня дразнят Фомой.

– Почему дразнят?

– Ты что, в натуре тупой? Дразнят – это так, образно говоря.

– А–а–а...

– Я хотел спросить у тебя, что такое сульфазин?

– Это укол такой. Ставят в «остряке»¹. Говорят, что раньше им лечили от алкоголизма, сейчас тоже ставят, но уже как наказание. Человеку после него шибко плохо. Пластом лежит дня три.

¹ «Остряк» – отделение в психиатрической больнице, предназначенное для пациентов с острыми и тяжёлыми заболеваниями.

– Ни хрена себе экзекуция!

– У тебя есть покурить?

Фома обшарил карманы:

– Нет.

– Я здесь забычковал¹, за плинтусом.

Генка отодвинул кровать, без труда отогнул плинтус:

– Вот они!

– Здесь разве можно курить?

– Можно только в курилке. А мы не в затыжку, – пошутил Генка. Открыл зарешечённую форточку и протянул Фоме «бычок» и спички, – закуривай.

А сам пошёл «на вассер»² к дверям.

После первой затыжки Фому замутило, но через пару минут стало легче.

Через полчаса пришла медсестра с аппаратом для капельницы.

– Раздевайся и ложись.

Фома послушно разделся и с трудом лёг на кровать.

– Я уколов боюсь, а тут капельница.

– Ты меньше болтай, давай в темпе сжимай и разжимай кулак. Да не правой, а левой руки, я что, через тебя буду корячиться?

Зоя Прокопьевна виртуозно поставила капельницу.

– Лежи спокойно, скоро станет легче.

– Дай бог, – вздохнул Фома.

На удивление быстро расслабился и закрыл глаза. Перед ним оказался большой чёрт, который улыбался и грозил пальцем. Фома вздрогнул и открыл глаза. Перед ним стояла медсестра:

– Чего дёргаешься? Лежи спокойно.

Фома закрыл глаза – снова стоит чёрт и улыбается.

¹ Забычковать – спрятать окурки (бычки) чтобы докурить их позднее.

² Стоять на вассере (уголов. жаргон) – наблюдать, сторожить, подстраховывать кого-то, кто делает что-то запретное (нехорошее).